

И С Т О Р І Я

РУССКАГО ПРОПОВѢДНИЧЕСТВА

отъ XVII вѣка до настоящаго времени.

СОСТАВИЛЪ

-П. Заѣдеевъ, преподаватель Тульской Духовной Семинаріи.

ТУЛА.

Типографія Н. И. Соколова, Кіевская улица, домъ Козловыхъ.

1879.

Отъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать дозволяется. Московская Духовная Академія, февраля 22 дня 1879 года.

Цензоръ Священникъ Михаилъ Боголюбскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль нашего изданія состоитъ собственно въ томъ, чтобы восполнить пробѣлъ Исторіи Русскаго Проповѣдничества новаго періода, котораго не достаетъ въ имѣющихся у насъ разныхъ изданіяхъ по Исторіи Русскаго Проповѣдничества. Но я долженъ объяснить, почему начинаю свое изданіе не прямо съ третьяго періода, а съ XVII вѣка, то есть съ эпохи вліянія южно-русскаго проповѣдничества на сѣверно-русское.

Схоластическій періодъ дѣлится на двѣ эпохи: на эпоху юго-западнаго схоластическаго проповѣдничества и на эпоху сѣверно-русскаго проповѣдничества, которое находилось подъ вліяніемъ перваго. Но если вникнуть во внутренній и даже внѣшній характеръ проповѣдей обѣихъ эпохъ, то между ними окажется большое различіе. Проповѣдники юго-западнаго схоластическаго направленія создали для проповѣди одну внѣшнюю форму, проповѣдники же сѣверно-русскіе вложили въ эту форму жизнь. Они внесли въ сѣверную Россію просвѣщеніе и положили начало русской самостоятельной проповѣди. Хотя въ ихъ проповѣди и замѣтны слѣды ихъ прежняго воспитанія въ католическихъ школахъ, но эти слѣды были какъ капля въ морѣ. Жизнь русскаго общества, его стремленія освободиться отъ оковъ вѣковаго невѣжества, съ другой стороны разные недостатки простаго народа заставили просвѣтителей, прибывшихъ съ юга на сѣверъ отказаться отъ традицій схоластической гомилетики и внести въ свою проповѣдь элементъ жизненный, касавшійся интересовъ времени. Поэтому, если проповѣди сѣверно-русскихъ проповѣдниковъ по нѣкоторымъ приемамъ и можно отнести къ періоду схоластическому, то по

внутреннему характеру и содержанію своему. онѣ больше принадлежатъ къ новому періоду проповѣди самостоятельной, и многія изъ нихъ представляютъ въ этомъ отношеніи образцы, достойные подражанія. Они приготовили и проповѣдниковъ такъ называемаго новаго періода, которые хотя и избѣгали схоластическихъ приѣмовъ и даже порицали своихъ предшественниковъ за употребленіе ихъ въ проповѣди(*); но вмѣстѣ съ тѣмъ они и подражали имъ, проповѣдуя сообразно съ обстоятельствами и потребностями времени; а нѣкоторые изъ проповѣдниковъ новаго времени не ускользнули и отъ схоластическаго вліянія проповѣди по тону и характеру своей рѣчи. Таковы напр. проповѣдники Елизаветинскаго періода. Значить между эпохой XVII вѣка и новымъ періодомъ есть связь, и многія явленія въ исторіи новаго періода не могли бы быть объяснены безъ изложенія эпохи предшествующей, которую, поэтому, правильнѣе назвать эпохою „переходною“, отразившеюся и на хорошей и на дурной сторонѣ русской проповѣди 18-го вѣка. Вотъ почему мы начинаемъ свое изданіе съ этой эпохи.

Статьи наши были помѣщаемы въ Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ 1878 году.

(*) Феофанъ Прокоповичъ.

ИСТОРИЯ РУССКАГО ПРОПОВѢДНИЧЕСТВА ОТЪ XVII ВѢКА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Эпоха вліянія южно-русскаго проповѣд- ничества на сѣверно-русское.

Стремленіе къ просвѣщенію на сѣверѣ Россіи; потребность въ книгахъ и образованныхъ людяхъ. Переходъ югозападной образованности въ Мос-
кву вмѣстѣ съ проповѣдничествомъ. Представители юго-западнаго схола-
стическаго проповѣдничества на сѣверѣ Россіи.

Въ половинѣ XVII вѣка, въ Москвѣ, особенно въ выс-
шихъ слояхъ общества, замѣтно стало обнаруживаться стрем-
леніе къ просвѣщенію, которому уже не могли удовлетво-
рить туземные грамотники. На зовъ этого стремленія пере-
ходили съ юга въ Москву равныя книги, пріѣзжали ученые
люди, которымъ поручалось устройство училищъ, переводъ и
печатаніе книгъ. Въ числѣ первыхъ книгъ, перешедшихъ
въ Москву еще въ началѣ XVII в. были: „Учительное
Евангеліе Кирилла Транквиліона и Катихизисъ Лаврентія
Зизанія. Первымъ вызовомъ ученыхъ изъ Кіева былъ вы-
зовъ, сдѣланный Алексѣемъ Михайловичемъ, по желанію
боярина Ртищева въ 1649 г. для заведеннаго имъ учили-
ща въ андреевскомъ монастырѣ. Прибывшіе по этому вызо-
ву иноки составили ученое братство, которое трудилось не
только въ училищѣ, но и при исправленіи богослужебныхъ
книгъ, а также переводѣ и печатаніи отеческихъ сочиненій.
Съ этого времени кіевскіе ученые составляютъ въ Москвѣ
постоянный кружокъ, около котораго преимущественно сосре-
доточивается образованіе и литературная дѣятельность. Вмѣ-
стѣ съ другими явленіями науки и образованности перешла
въ Москву изъ юго-западной Россіи и проповѣдь. Собствен-
ной проповѣди въ Москвѣ давно уже не было. При совер-
шенномъ упадкѣ просвѣщенія въ духовенствѣ, не только не
было людей способныхъ учить народъ живымъ словомъ, но
даже образовалось въ XVII в. странное мнѣніе, что пропо-
вѣдь ведетъ къ ереси. Когда одинъ священникъ города
Орла пермской губерніи вздумалъ говорить проповѣди сво-

его сочиненія, то встрѣтилъ сильное противодѣйствіе во многихъ изъ своей паствы, которые говорили, „что онъ вводитъ новостъ, что-то странное, чего прежде не было“.

Вмѣсто проповѣдей, читались въ церквахъ избранныя слова изъ отцевъ церкви. Съ приходомъ съ Москву юго-западныхъ ученыхъ, явилась самостоятельная проповѣдь, которая вначалѣ малымъ чѣмъ отличалась отъ проповѣдей схоластическихъ; но въ послѣдствіи времени, подѣ влияніемъ практическаго русскаго духа и разныхъ обстоятельствъ жизни русскаго общества и государства, она приняла болѣе практическое направленіе и сдѣлалась руководительницею русскаго общества. Представителями южно-русскаго направленія въ проповѣди XVII вѣка были въ сѣверной Россіи: Епифаній Славинецкій; менѣе его слѣдовалъ приѣмамъ юго-западной проповѣди Симеонъ Полоцкій и еще менѣе — одинъ Орловскій священникъ, неизвѣстный (по имени, который, сознавъ непригодность южно-русскихъ проповѣдей, какъ образцовъ для проповѣди невѣжественному народу, много и усердно трудился надъ измѣненіемъ приѣмовъ, рекомендуемыхъ этими проповѣдями. Св. Димитрій Ростовскій и Стефанъ Яворскій внесли также много жизненнаго элемента въ свои проповѣди; но, какъ получившіе образованіе въ юго-западныхъ и заграничныхъ польскихъ школахъ, они не могли совершенно отрѣшиться отъ преданій южно-русской гомилетики и часто пользовались въ своихъ проповѣдяхъ тѣми приѣмами, которые она рекомендовала. Новый совершенно практическій характеръ получаетъ проповѣдь съ Теофана Прокоповича, начавшаго свою просвѣщенную дѣятельность при Петрѣ Великомъ.

Епифаній Славинецкій.

Его образованіе; вызовъ въ Москву. Литературныя работы; дѣятельность проповѣдническая. Слова къ священникамъ и монахамъ, — противъ раскольниковъ и о милосердіи. Вишняя сторона проповѣдей Славинецкаго.

Въ числѣ мужей, вызванныхъ съ юга Россіи просвѣщать сѣверное царство выдается своимъ значеніемъ, ученостію и трудолюбіемъ Епифаній Славинецкій. Получивъ образованіе въ кіево-могилянскои коллегіи, онъ ѣздилъ учиться за границу и, по возвращеніи оттуда, сдѣланъ былъ учителемъ въ

киевскомъ братскомъ училищѣ. Отсюда, вмѣстѣ съ другими учеными монахами, онъ вызванъ былъ въ 1649 г. въ Москву и для обученія русскаго народа свободнымъ наукамъ и для перевода греческихъ книгъ. По прибытіи въ Москву, Епифаній сдѣлался начальникомъ патриаршаго училища въ Чудовомъ монастырѣ и главнымъ справщикомъ книгъ. Трудился онъ въ Москвѣ для образованія общества около 26 лѣтъ.

Литературная дѣятельность Епифанія была обширна, разнообразна и плодотворна: онъ занимался переводомъ отеческихъ греческихъ книгъ и исправленіемъ книгъ богослужебныхъ; кромѣ того онъ выпросилъ себѣ позволеніе исправить славянскій текстъ Библіи и хотѣлъ знакомить русское общество своими переводами съ разными сочиненіями по части свѣтской науки. Самостоятельное авторство Епифанія было дополненіемъ къ этой работѣ и обнаруживалось въ составленіи разныхъ теоретико — богословскихъ трактатовъ, историческихъ сочиненій и даже церковныхъ службъ. Епифаній былъ человекъ науки, а не жизни. Между тѣмъ патриархъ Никонъ сдѣлалъ его официальнымъ проповѣдникомъ въ соборахъ, согласно существовавшему тогда обычаю на югѣ Россіи, и Епифаній долженъ былъ взять на себя эту обязанность, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ сочувствовалъ ей.

Въ рукописяхъ встрѣчается болѣе 50 словъ и поученій Славинецкаго на разные церковные праздники и дни святыхъ. Между ними есть нѣсколько такихъ словъ, которыя были написаны, вѣроятно, не для произношенія съ кафедръ, а какъ образцы для общаго употребленія и руководства: таковы напр. три слова къ священникамъ, одно къ монахамъ, три слова противъ раскола и три слова о милосердіи. Слова эти признаются лучшими за ихъ сравнительно болѣе практическое направленіе.

На проповѣдяхъ Славинецкаго вполне отразился его личный характеръ. Какъ самъ онъ былъ не практическимъ дѣятелемъ, а ученымъ, въ типичной монашеской кельи занимавшимся переводомъ и исправленіемъ книгъ, такъ и его проповѣди имѣють не практическій, а созерцательный характеръ, исключая словъ упомянутыхъ выше, которыя были написаны не для прознесенія съ церковной кафедръ и въ которыхъ представлялся Славинецкому случай говорить о тѣхъ занятіяхъ, которымъ онъ былъ преданъ.

Слова общеназидательныя, произнесенныя съ церковной кафедрѣ, содержатъ въ себѣ объясненія догматовъ православной вѣры, правилъ христіанской нравственности, раскрытіе разныхъ текстовъ Библіи и похвалу въ честь святыхъ. На первомъ планѣ во всѣхъ проповѣдяхъ этого рода стояла истина, а потомъ народъ, которому онъ говорилъ; и въ народѣ этомъ обращали на себя вниманіе проповѣдника потребности общехристіанскія, а не временныя нужды. Поэтому, на основаніи словъ Епифанія, нельзя составить характеристики времени и мѣста, въ которомъ онъ обращался при своей жизни. Почти всѣ его слова можно было произносить въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Общий предметъ теоретической мысли или признанное всѣми правило христіанской нравственности, -- вотъ общая тема проповѣдей Епифанія. Въ словахъ историческихъ и похвалныхъ проповѣдникъ рисуетъ въ общихъ чертахъ добродѣтели и славу похваляемыхъ лицъ. Нравственныя приложенія къ слушателямъ у Епифанія есть почти въ каждой проповѣди, но эти приложенія, за не многими исключеніями, характера общаго. Въ заключеніи слова на „страсть Христову“ проповѣдникъ говоритъ: „раздеремъ жестокое сердце нашихъ каменіе, ветхую грѣхъ нашихъ расторгнемъ катапетасму... и злосмрадна душь нашихъ, грѣхами умерщвленныхъ, отвержимъ страсти, а отъ смерти грѣховныя освободимся, и воскреснемъ со Христомъ воскресшимъ, побѣдителямъ смерти побѣдоноснымъ, Ему же слава“. Въ заключеніи слова, сказаннаго при освященіи храма изъ текста: „быша же обновленія въ Іерусалимѣ, и зима бѣ“ -- Славинецкій говоритъ: „обновленіе сего храма правдующе, аще хотимъ новыя благодати Божія виномъ души наши напоить, не будемъ мѣхи ветхіи, извержимъ изъ сердецъ нашихъ смертоносную грѣхопадений ветхость, облекусь въ новыя правды ризы, не прилагаямъ къ тѣмъ ветхаго неправды прилога, обновимся обновленіемъ добродѣтельныхъ жизни, отложимъ ветхаго челоуѣка, тлѣемаго по похотямъ лести, облекусь въ новаго челоуѣка, по Богу созданнаго, въ правдѣ преподобіи и истины, будемъ новіи мѣхи, да новымъ благодати Божія виномъ напоймъ души наша“...

Другой элементъ въ проповѣдяхъ Епифанія Славинецкаго составляютъ таинственныя и символическія толкованія. Слѣд-

ный къ отысканію во всемъ таинственнаго или преобразовательнаго смысла, Епифаній является тонкимъ сопросникомъ. Явленіямъ природы, событіямъ исторіи и тексту Библии онъ даетъ вездѣ духовный, символическій высшій смыслъ. Символическія толкованія Епифанія часто занимательны и интересны и могутъ возбуждать человѣка къ благочестивымъ размышленіямъ, но никогда не имѣютъ въ виду никакихъ практическихъ примѣненій къ жизни христіанской. Въ словѣ изъ текста: „благословиши вѣнецъ благодати твоея“ проповѣдникъ предлагаетъ вопросъ: „что есть вѣнецъ благословенный?“ и отвѣчаетъ: „благословенный и многоцѣнными одушевленными камнями удобренный Христа нашего вѣнецъ есть единая святая коэолическая церковь, якоже Григорій Нисскій учительствуетъ“. Другая проповѣдь представляетъ Христову церковь въ лицѣ „благообразной Рахили, которая пасла овецъ отца своего Лавана и украла его идоловъ“.

При такомъ направленіи мысли Епифанія, его проповѣди удовлетворяетъ больше пытливости христіанской, чѣмъ нравственной назидательности. Не рѣдко говоритъ проповѣдникъ въ своихъ поученіяхъ противъ такихъ лжеучителей, которые существовали во времена давно прошедшія и которые не смущали ни его совѣсти, ни совѣсти его слушателей. Онъ упоминаетъ о гностикахъ, манихеяхъ новатіанахъ и т. п. Въ такихъ проповѣдяхъ было больше интереса ученаго, историческаго, чѣмъ живаго назидательнаго.

Южно-русская проповѣдь часто для разъясненія извѣстныхъ священныхъ истинъ дѣлала указанія на лица и событія языческой исторіи. Въ словахъ Епифанія Славинецкаго постоянно встрѣчаются указанія на событія и лица языческой исторіи, изреченія мудрецовъ неизвѣстныхъ христіанству. Разительные факты изъ языческой и гражданской исторіи могутъ быть приводимы съ пользою въ церковномъ словѣ, если они нужны для болѣе нагляднаго подтвержденія какой нибудь истины; но если проповѣдникъ безъ нужды прибѣгаетъ къ истинамъ, не слышнымъ въ церкви, изъ желанія щегольнуть своею ученостію, то онъ можетъ повредить только впечатлѣнію. Для людей незнакомыхъ съ свѣтскою мудростію гораздо понятнѣе слова св. апостоловъ и отцовъ, чѣмъ мудрецовъ языческихъ. Между тѣмъ Епифаній на равнѣ—съ писаніями, принятыми и уважаемыми цер-

ковію, цитуєть, напр. Одиссею. Въ словѣ о постѣ выстав-
ляется мнѣніе Епиктета, который говорилъ, что весь кругъ
земной опустошаютъ двѣ тягчайшія злобы нетерпѣніе и не-
воздержаніе, и потому положилъ двѣ главныя заповѣди для
человѣка: „терпи и воздержись: Онъ приводитъ свидѣтель-
ства изъ Плутарха и другихъ языческихъ историковъ и фи-
лософовъ, напр. Демокрита. Въ одномъ словѣ, убѣждая хри-
стіанъ заботиться о созиданіи и благолѣпнн храмовъ, онъ
описываетъ храмъ, воздвигнутый въ Ефесѣ Артемидѣ и при-
мѣромъ идолослужителей хочетъ пробудить христіанъ къ это-
му дѣлу.

Несравненно большій интересъ имѣютъ тѣ слова Епифа-
нія Славинецкаго, которыя написаны были имъ по нуждамъ
своего времени, но которыя по самому назначенію своему
не могли всѣ произноситься съ церковной кафедры. Тако-
вы три слова въ священникамъ, одно къ монахамъ, одно
противъ раскольниковъ и три слова о милосердіи. Эти про-
повѣди чужды отвлеченнаго характера и полны жизни. Три
слова Епифанія къ священникамъ раскрываютъ ихъ пастыр-
скія обязанности. При патріархѣ Никонѣ невѣжественный,
до неразумія привязанный къ богослужебному обряду и къ
книжной церковной буквѣ раскольниковскій духъ весьма
сильно волновалъ русскій народъ и возобладалъ надъ мно-
гими малограмотными священниками, которые не хотѣли по-
виноваться разумно-дѣйствующей высшей церковной власти.
Вотъ почему Славинецкій въ первомъ и третьемъ словѣ къ
священникамъ съ новымъ рвеніемъ учить ихъ благопокорли-
вости и благопослужливости въ отношеніи къ архіереямъ бо-
гоизбраннымъ, бдящимъ о душахъ ихъ, совѣтуетъ пасты-
рямъ церкви „инны вяжуще, связать самихъ себя благопле-
тенною узою любви Божія, инны рѣшающе, рѣшать зло-
плетенную пленицу своихъ грѣхопаденій“. Всеобщее невѣ-
жество народа было одною изъ главныхъ причинъ раскола.
Епифаній, какъ ученѣйшій мужъ своего времени, болѣе дру-
гихъ сознавалъ это; и онъ убѣждаетъ священниковъ вну-
шать на исповѣди духовнымъ дѣтямъ заботу объ устроеніи
училищъ. „Пецыися и промыслиа всѣмъ сердцемъ и душою
елика твоя сила, увѣщевати царя и прочія могущія еже
устроить училища вездѣ, ради малыхъ дѣтей; сего бо ради,
паче всѣхъ добродѣтелей, многихъ грѣховъ получиши остав-

леніе“. Во второмъ словѣ Епифаній говоритъ о необходимости для церковнаго пастыря вести чистую непорочную жизнь.

Слово къ монахамъ требуетъ, чтобы монахъ въ своей жизни вполнѣ соотвѣтствовалъ идеалу подвижника. Постоянный плачъ о грѣхахъ, смиреніе и воздержаніе — вотъ добродѣтели, которыя должны украшать истиннаго монаха. «Ибо, спрашиваетъ Епифаній, кому подобны тѣ монахи, которые пренебрегши душеполезнымъ воздержаніемъ, наполняютъ чрево свое вкусными яствами, и которые презрѣвши приличную для монаховъ нестяжательность, стремятся къ приобрѣтенію тѣлесныхъ богатствъ, одеждъ и другихъ подобныхъ мірскихъ вещей для своего удовольствія, — кому подобны сіи?... Далѣе онъ совѣтуетъ монахамъ чуждаться мірскаго общества и пребывать въ безстрастіи и послушаніи.

Три слова противъ раскольниковъ написаны съ цѣлію разумить и направить на истинный путь тѣхъ ревнителей старины, которые шли противъ исправленія богослужебныхъ книгъ и которые по этому случаю стремились отдѣлиться отъ истинной православной церкви. Въ одномъ изъ этихъ словъ проповѣдникъ, послѣ раскрытія мысли о вѣчной враждѣ діавола противъ благодатнаго царства, при изъясненіи двухъ знаменій апокалипсиса о женѣ и о змѣй, говоритъ, что жена — святая Божія церковь, а змѣй діаволъ. На семи главахъ змѣя было 7 вѣнцовъ, которые означаютъ «седмь главныхъ еретиковъ» (Арія, Македонія, Аполлинарія, Несторія и другихъ). Къ нимъ относятся раскольники и мятежники настоящаго вѣка, сами отторгающіеся отъ церкви Христовой и другихъ отторгающіе. Въ этомъ же словѣ проповѣдникъ развиваетъ мысль о значеніи и важности архіереевъ и священниковъ и убѣждаетъ повиноваться имъ; потомъ исторіею защищаетъ дѣло исправленія книгъ, указывая, между прочимъ на то, что самая божественная литургія нѣсколько разъ сокращалась и исправлялась.

Гораздо интереснѣе другихъ 3-е слово противъ раскола «да покорники жеркви отъ лица тоя», гдѣ сама церковь говоритъ съ возлюбленнымъ чадамъ увѣщательное слово: «До нынѣ я терпѣла лживолаголюющихъ, народно не говорила о нихъ; но молчала, ожидая ихъ обращенія и покаянія, но нынѣ зрю ихъ необращающихся, а лающихъ на

святых тайства, и смущающих паству, и не терплю прочее, видя овчата восхищаема». Раскольники хотят казаться изряднѣйшими богословами и искусными сказателями сокровенных тайствъ въ божественныхъ писаніяхъ, а на дѣлѣ они слѣпыя невѣжды, едва письмена слагати навывиши, грамматическія же хитрости (не помяну риторскія философскія и богословскія, ими же все состоитъ божественное писаніе) ниже наченшіи вкушати. И такіе люди дерзають, по своему невѣжеству, божественныя писанія толковати, паче же развращати, облуждати и осуждати богоискусныхъ мужей славенска и греческа языка... Не хотятъ видѣть они, что не вѣра въ догматахъ исправляется, а только нѣкоторыя рѣшенія, измѣненныя то неудоумѣніемъ и описками невѣжествующихъ писцовъ, то не призраченіемъ и невѣжествомъ правителей типографіи, то потому, что не было у типографскаго правленія древнихъ рукописныхъ книгъ. И нынѣ такія погрѣшности по возможности исправляются въ древнихъ книгахъ... И такъ православно-россійскій народъ, не сомнися, обрѣтая въ новопечатныхъ книгахъ нѣкія перемѣны; то не суть превращанія, ниже развращенія, или ереси. Вѣруй мнѣ, матери своей... я не дамъ вамъ камня, вмѣсто хлѣба, не подамъ змію и скарпію вмѣсто рыбы". Это говоритъ чловѣкъ, защищающій отъ невѣжественныхъ людей дѣло исправленія книгъ, которое составляло существенную потребность времени, и которому онъ самъ былъ преданъ всецѣло.

Весьма также интересно слово Епифанія о милосердіи, представляющее обширное изслѣдованіе объ этой добродѣтели, въ которомъ много глубокихъ и свѣтлыхъ мыслей. Слово раздѣляется на три бесѣды. Въ первой бесѣдѣ показывается важность и великое значеніе милосердія, во второй говорится о лицахъ, которыми прежде всего надобно благотворить, въ третьей о необходимости учрежденія „братства, или общества милосердія". „Милость, говоритъ Епифаній въ первомъ словѣ, есть сердечное и умное движеніе, сочувствіе нуждѣ чловѣческой, выражающееся или однимъ желаніемъ помочь чловѣку, или дѣятельною помощію". Вторая бесѣда научаетъ благоразумному подаванію милостыни, а не безъ разбора. „Если ты видишь просятеля здороваго и не составшагося и даешь ему милостыню, то самъ дѣлаешься общникомъ грѣха. Стыдно смотрѣть, какъ размножились у насъ

считающіеся гуляки, обманщики, какъ много таскается по улицамъ здоровыхъ женщинъ съ малыми дѣтьми, а еще болѣе дѣвицъ. Иные за деньги нанимаютъ малыхъ дѣтей и чрезъ нихъ собираютъ милостыню, а ночи проводятъ во всякомъ безчинствѣ“. Проповѣдникъ совѣтуетъ прежде всего помогать тѣмъ бѣднымъ, которые, хотя сидятъ дома и не ходятъ по улицамъ за милостынею, но которые переносятъ такую великую нужду, какой нельзя встрѣтить на улицахъ. Къ такимъ онъ относитъ іереевъ и діаконовъ, служащихъ душамъ человѣческимъ, между тѣмъ не имѣющихъ никакихъ доходовъ или имѣющихъ малыя и скудныя, — вдовъ и сиротъ, странниковъ и пришельцевъ, разорившихся отъ болѣзни, пожара, кражи и наконецъ уже просителей народныхъ. Югозападные «братства» внушили Славинецкому мысль для призрѣнія бѣдныхъ и для устраненія безчинства составить братство или общество милосердія. Эту мысль онъ высказываетъ въ третьей части своего слова. „Дѣло милости, говоритъ онъ, тогда будетъ имѣть хорошій успѣхъ, когда многіе совокупными усиліями будутъ стараться достигать одной цѣли... Кто будетъ давать деньги, а кто помогать своимъ трудомъ. Каждое воскресенье будутъ братья сходиться для разсужденія между собою и выберутъ изъ среды своей десять распорядителей. Постоянные посѣтителы будутъ приходить и извѣщать братію о человѣческихъ нуждахъ. Братія будетъ обсуждать: кому, чѣмъ и сколько помочь, смотря по надобности: инымъ бѣднымъ можно давать временное пособіе, другимъ постоянное—до самой смерти. Женщины могутъ составить свое общество милосердія и, собравши пожертвованія могутъ еженедѣльно отсылать въ главное всепріятіище“. Наконецъ Епифаній предлагаетъ устроить кассу и давать изъ нея бѣднымъ займы, а если много будетъ денегъ въ кассѣ, то можно давать и имущимъ, но въ обоихъ случаяхъ безъ лихвы.

Внѣшній характеръ изложенія въ проповѣдяхъ Епифанія Славинецкаго соотвѣтствуетъ внутреннему характеру его мысли. Епифаній любилъ символизмъ, —подъ внѣшнимъ подражумѣвалъ внутреннее; поэтому и рѣчь его была полна метафорами, не для всякаго доступными, а съ другой стороны вычурными и натянутыми. Онъ постоянно рисуетъ образы, подбираетъ метафору къ метафорѣ и въ одномъ, напр. сло-

въ приглашаетъ слушателей „насъ душевредное стволіе несправды богоизощренными съчиномъ покаянія, искоренить изъ сердець пагубоносный волчець лукавства, сожечь умовредное терніе ненависти божественнымъ пламенемъ любви, одождить мысленную землю душъ небеснымъ дождемъ евангельскаго ученія, наводнить ее слезными водами, возрастити на ней благопотребное быліе кротости, воздержанія, цѣломудрія, милосердія, братолюбія, украсить благовонными цвѣтами всякихъ добродѣтелей“. Языкъ въ проповѣдяхъ Епифанія Славинецкаго— чистый славянскій(*).

Симеонъ Полоцкій.

Происхожденіе и образованіе Симеона Полоцкаго. Его значеніе при царскомъ дворѣ. Характеръ его литературной дѣятельности вообще. Проповѣдническая дѣятельность Симеона. Сборники его поученій. Практическое направленіе его проповѣди. Языкъ. Слѣды вліянія схоластической гомилетики на проповѣдь Полоцкаго.

Послѣ Епифанія Славинецкаго самымъ виднымъ представителемъ югозападнаго образованія въ Москвѣ былъ Симеонъ Полоцкій. Симеонъ Емельяновичъ Петровскій-Ситіановичъ Полоцкій родился въ апрѣлѣ 1629 года, въ Бѣлоруссіи. Образованіе получилъ въ знаменитой кіевской коллегіи и довершилъ его въ польскихъ католическихъ школахъ. Монашество и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имя Симеона онъ принялъ въ Полоцкомъ Богоявленскомъ братскомъ училищѣ. Съ способностями живыми, съ словомъ легкимъ и свободнымъ, съ образованіемъ, удовлетворявшимъ широтѣ тогдашнихъ требованій, ему не трудно было пріобрѣсти себѣ славу много свѣдущаго человѣка и блестящаго оратора. Такому человѣку тѣсно было въ сферѣ провинціальной, въ партіи угнетенной, постоянно долженствовавшей отстаивать свои права отъ нападенія поляковъ. Когда Алексѣй Михайловичъ, во время похода въ Лифляндію (1656) былъ въ Полоцкѣ, Симеонъ постарался обратить на себя его вниманіе искусно и

(*) О Епифаніѣ Славинецкомъ см. Тр. К. Д. Акад. 1861 г. т. 2 и 3. Опис. рук. синод. библ. отд. 11 ч. 3, № 247, стр. 199—206. Ист. р. слов. Порфирьева, стр. 551.

складно сказанною похвалою ему, какъ побѣдителю. Увѣрившись въ покровительство царя, Симеонъ отправился въ Москву искать счастья и надежда не обманула его. Въ Москвѣ Полоцкій является наставникомъ царскаго наслѣдника Θεодора Алексѣевича, воспитателемъ и собесѣдникомъ другихъ членовъ семейства Алексѣя Михайловича и приобретаетъ такую силу, какою могли располагать самые приближенные придворные. Онъ пользуется особенными милостями государя по устройству своего вѣшняго положенія, приобретаетъ вліяніе на дѣла церковныя, не занимая высшихъ іерархическихъ степеней, и вполнѣдствіи, когда Θεодоръ Алексѣевичъ сдѣлался царемъ, пользуется такимъ почтительнымъ уваженіемъ послѣдняго, какимъ обыкновенно пользуется вліятельный учитель у своего послушнаго ученика. Такому знанію при дворѣ Полоцкій былъ обязанъ сколько своимъ личнымъ заслугамъ для двора, по воспитанію царевича Θεодора, столько своему тонкому, изворотливому уму, благодаря которому, онъ всегда умѣлъ найдтись, чтобы сказать встать, подѣйствовать на нужнаго человѣка, раздѣлить съ нимъ пріятное и полезное: онъ улаживалъ своими бесѣдами Θεодора Алексѣевича и самаго Алексѣя Михайловича; отъ него много узнала Софія Алексѣевна, и съ нею онъ устроилъ во дворцѣ драматическія представленія своего собственнаго сочиненія. Въ скучный древній теремъ его вліяніе вносило жизнь, разнообразное и свромное, возможное тогда, развлеченіе. Неудивительно, что къ нему привязались наши цари и царевны. Значенію Симеона много также содѣйствовала его обширная литературная дѣятельность, касавшаяся интересовавшихъ тогдашнее общество вопросовъ.

Литературная дѣятельность Полоцкаго представляетъ его не столько человѣкомъ сосредоточенной мысли, сколько даровитымъ общественнымъ писателемъ. Въ этомъ отношеніи замѣтно явное различіе между Епифаніемъ Славинецкимъ и Симеономъ Полоцкимъ. Симеонъ Полоцкій больше ораторъ, чѣмъ ученый, больше литераторъ, чѣмъ мыслитель. Онъ пишетъ много, и пишетъ скоро, почти по всѣмъ отдѣламъ литературы; но въ самыхъ ученыхъ его работахъ (Вѣнци вѣры) мы видимъ готовые результаты, не добытые имъ самимъ, а заняты имъ изъ чужихъ трудовъ. Основаніемъ для «Вѣнца Вѣры», гдѣ онъ представилъ христіанамъ полную догмати-